

A woman with long brown hair, wearing a vibrant red coat, is seen from behind, walking away on a stone path. The path is flanked by trees with bright orange and yellow autumn leaves. In the background, a large, imposing, grey stone mansion with classical architectural features like columns and a pedimented entrance stands under a slightly overcast sky. The overall mood is mysterious and atmospheric.

Адалин Холод

ЗАЧЕМ-МЫ...?

Адалин Холод

ЗАЧЕМ-МЫ...?

<https://litres.ru/73997576>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга — погружение в историю семьи Гордеевых. Акцент на прошлое Екатерины. Почему нет? Но кроется ли ответ на вопрос 1 части именно в прошлом?

Флешбеки переплетаются с настоящим, создавая паутину событий. Сможет ли Катя найти выход из лабиринта, сотканного годами жизни, или навсегда закроется в двойном, глухом плену? Есть ли в истории девушки место для любви — и право на неё?

Книга пока в черновике, и у вас есть уникальный шанс влиять на развитие сюжета и частоту выхода глав своими отзывами и комментариями — вместе мы сделаем эту историю ещё ярче и глубже!

Содержание

ГЛАВА 1. ЯВЬ	4
Глава 2. ЭХО НА ШИПАХ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Адалин Холод

ЗАЧЕМ-МЫ...?

ГЛАВА 1. ЯВЬ

«*Зачем мы?..*» Этот вопрос, точь-в-точь назойливая муха, звенел в голове Кати, отголоском голоса матери:

— Нельзя спрашивать «За что?» или «Почему я?».

«А как тогда быть с Зачем?» Писала юная брюнетка.

— Зачем я появилась? Зачем открыла глаза? Звучит, конечно, эгоистично. Но тогда — ЗАЧЕМ МЫ?!

— Катя! Гром собственного имени вырвал девушку из полусна, украв у размышлений.

Перед ней возвышался Александр, его взгляд, как всегда, был спокойным, тёплым. Он знал: мысли не отпускают сестру даже во сне.

Вечером нового пасмурного дня Катя стояла у окна редакции, наблюдая за суетливой городской улицей. Солнце уже начало клониться к закату, окрашивая небо в тёплые оттенки.

День был насыщенным, полным совещаний, обсуждений новых проектов и творческих споров. Однако, несмотря на продуктивность, что-то беспокоило её прорываясь лёгким внезапным током изнутри.

Буквально минуту назад Лика, помощница Игоря Волкова, с улыбкой, от которой хотелось вымыть руки, бросила на прощание:

— Ты такая сильная, но не замечаешь, как тяжело остальным рядом с тобой. Банальная фраза, но сегодня она ударила точно в цель. Сколько раз Катя слышала подобное? Сколько раз её пытались водрузить на пьедестал, делая ответственной за чужие неудачи, будь то финансовые или душевные?

Катя вспомнила детство. Сверстники обходили её стороной, словно она была хрупким фарфором или чем-то заразным по ошарашенному шёпоту взрослых. Воспитатели, учителя — многие видели в девочке не ребёнка, а символ родительской глупости или пустого мужества, требующего теперь особого отношения от окружающих.

Можно ей весь этот сумбур свалить на осень и Евгения Никулина? Гордеева помотала головой и вздрогнула всем телом, сгоняя цепи мыслей.

Днём, под крылом издательства, проходила презентация новых проектов. Лика, с театральным энтузиазмом, презентовала форум «Читай, смотри и вдохновляй!». Цель — привлечь молодёжь к классике через современные медиа.

Она стояла, картинно опираясь бедром о стол, в платье-футляре стального цвета, поверх небрежно накинут короткий приталенный пиджак. Её светлые волосы гладко зачёсаны назад и собраны в идеально ровный, тугий хвост на затылке. Прическа открывала лицо полностью, подчёркивая

высокие скулы, распахнутые глаза и хищный изгиб бровей.

Идея звучала для Гордеевых сносно, пока не прозвучала следующая фраза:

— Предлагаем серию или подборку книг «Золушка на колеснице». Это будет сборник переосмысленных преимущественно русских сказок с современным подтоном. Как фишку можно использовать буккроссинг. Рекламным лицом станет Екатерина Константиновна!

Катя резко подняла взгляд. Карие глаза потемнели, в них заплясали искорки, губы сжались в линию.

— Я не сказочный персонаж. Твёрдо произнесла она.

— Предпочитаю обходиться русскоязычным лексиконом. Чем вас слово «обмен» не устраивает?

Игорь молча наблюдал с фирменной улыбкой-оскалом.

Помощница Волковых, явно не ожидавшая такого отпора, замялась.

— Но это же отличная идея! Современные интерпретации классических сюжетов привлекают аудиторию. Затараторила она подключая жестикуляцию.

— Проблема не в самой идее. Спокойно парировала Екатерина.

— А в вашем подходе. Сказки не нуждаются в настолько «модной» адаптации. Давайте обратимся к списку предлагаемых вами первоисточников.

Гордеева взяла лист бумаги и начала читать вслух:

«Сказка о царе Салтане» — Пушкин;

«Конёк-Горбунок» — Ершов;

«Сказка о царе Берендее» — Жуковский;

«Василиса Прекрасная», «Иван-Царевич и серый волк».

Эти произведения уже содержат в себе универсальные истины. Зачем добавлять в них сомнительный подтекст ради неясного эффекта? Вопрос главы отдела остался без ответа.

Всех распустили думать.

В салоне тихо играла музыка, но Саша решил разбавить тишину.

— Слушай, Кать. Начал он, не отрывая взгляда от дороги.

— Ты зря сразу на дыбы встаёшь, выпускаешь иголки. Не так важно, что там Волковы себе напридумывали. Главное — как мы это сделаем. Парень поймал взгляд сестры в зеркале и улыбнулся.

— А я бы с удовольствием посмотрел на тебя в разных образах. Поколдовал бы над промо, добавил искусственный интеллект к нашей эксклюзивной реальности. Пусть эти снобы хоть треснут. Главное, что я вижу в этом красоту и готов настаивать.

В кармане завибрировал телефон. Семейный чат «Гордевы» ожил.

Катюша: Сань, я с Катей полностью согласна! Предложение Игоря, как всегда, напоминает капкан, но какой простор для вдохновения!

Катюша: Я из сестры сделаю не фарфоровую куклу, а премудрую богатыршу! Красавицу-воительницу! Импера-

трицу, не зря же Екатерина! Героиню, которая сама себе принца выберет! И плевать на все эти колдовские заговоры!

Дима: Всем привет. Катюш, а может, лучше, если принц и принцесса... или Императрица-воительница и Иван... будут вместе сражаться? Поддерживая друг друга, прикрывая тылы. А не выяснять, кто главнее. Тогда, может, и добро победит не только в сказках.

И не спрашивайте Екатерину, как представитель семьи Никулиных оказался в семейном чате Гордеевых. Магия, не иначе. Если правду, ловкость рук и никакого мошенничества. А если начистоту, то Саша и Катя совсем не против. Эти двое, Катюша и Дима, как половинки одного зефира, их общая соломинка — чтобы верить: счастье и любовь всё-таки есть в этом мире бушующем.

Вечером, оторвавшись от мобильного, Катя снова вспомнила слова коллеги. Старые травмы давали о себе знать, напоминая о неудачах и разочарованиях.

Она села за компьютер и начала писать о важности русской литературы в современной культуре. Строки из любимых произведений стали для неё источником вдохновения и поддержки:

«Людей рождают, чтоб жили они. Чтоб землю украшали добром и любовью...». Наивно, но так хочется верить, что это истинно.

— *Е. Гордеева.*

Город погрузился в густую темноту, и лишь редкие огни

уличных фонарей освещали пустеющие улицы. Катя сидела на подоконнике, глядя на мерцающие огни.

В голове звучали строки, ставшие цитатами:

«125 блокадных грамм с огнём и кровью пополам». (Строчка из «Ленинградской поэмы» Ольги Берггольц).

Что в её жизни, в жизни семьи Гордеевых можно считать этими 125 граммами?

Другая цитата Берггольц: *«Мы предчувствовали полыхание этого трагического дня...»* Подтверждала её мысли о неизбежности испытаний, которые закаляют дух и помогают осознать ценность каждого момента.

Завтра будет новый день. Завтрашнее погружение во мрак неизбежно. Ей предстояла встреча, от которой нельзя отказаться. Встреча с прошлым, которое так и не стало по-настоящему прошлым.

Вечерний город, промозгло кутаясь в серую дымку, настиг Екатерину у кафе. У самого входа под козырьком стоял Игорь Волков. Он выглядел как король мокрого асфальта. В отличие от суетливой толпы он был воплощением статного спокойствия: на нём идеально скроенное тёмно-серое пальто из шерсти и шарф графитового оттенка.

— Екатерина Константиновна, приветствую! Он чуть склонил голову, пряча полуулыбку.

— Рад, что нашли время. Всё-таки перемирие — дело тонкое. Погода располагает... Волков осёкся, обжигаясь о женский взгляд исподлобья.

— Игорь Олегович. Гордеева сделала акцент на отчестве, напоминая о дистанции.

— Погода располагает к пневмонии, а ваше общество — к мигрени. Перейдём к делу.

— Вы как всегда колючи. Тем... интереснее. Прошу. Игорь усмехнулся, пропуская брюнетку вперёд.

Они сели за столик у окна. Игорь заказал бокал виски, Катя, кофе.

Он помог девушке снять пальто (на мгновение его пальцы — холодные и, казалось, впивающиеся в плечо, как когти коршуна, коснулись её кожи). Под объёмным пальто оказался свободный кашемировый свитер глубокого винного оттенка и широкие брюки из плотной ткани. Волосы Екатерины уложены в высокий, но слегка небрежный хвост; она выглядит элегантно, но при этом удивительно для Игоря живо.

Игорь небрежно перекинул своё пальто через спинку стула. Под ним, вопреки деловому стилю, оказались тёмно-синие джинсы и свитер крупной вязки из кашемира цвета мокрого асфальта. Ворот белой футболки слегка выглядывал из-под горловины.

Мужчина хищно улыбнулся и продолжил:

— Итак. Откинулся на спинку стула, внимательно глядя на девушку поверх бокала.

— К делу. Проект звучит перспективно. Но я хочу быть уверен: вы действительно готовы работать с нами? После всего?

Катя не изменилась в лице, но пальцы инстинктивно крепче сжали чашку.

— После всего? Её голос был ровным, почти светским.

— Вы имеете в виду тот вечер на театральном балу? Или же тот факт, что некоторые люди до сих пор не научились отличать бокал вина от права на чужую жизнь? Брюнетка кивнула на янтарную жидкость бокала в его руке.

— Знаете, в старых сказках злодеи хотя бы не притворялись героями. А вы... вы просто мастер перевоплощений. А я... я предпочитаю знать, с кем пью кофе.

Игорь на мгновение замер, но быстро вернул себе самообладание.

— Я не хотел... Он сделал глоток виски так, будто выпил яд из рук Екатерины.

— Не хотели? Она чуть приподняла бровь.

— Теперь ясно, почему вам так близки сказки и маскарад.

— Вы всегда так... прямолинейны? Игорь усмехнулся, но улыбка не коснулась глаз.

— Прямолинейность — роскошь. А нам с вами предстоит работать.

Он наклонился вперёд, понижая голос:

— А вы во что верите? Может быть... Герда?

Катя посмотрела на него долгим взглядом:

— Герда? Нет. Герда искала Кая. А я никого не ищу. Если уж говорить о сказках... Мне ближе Пеппи Длинный чулок.

Игорь удивлённо вскинул брови; в его глазах мелькнула

искра жизни.

— Пеппи? Серьёзно? Девочка с косичками и обезьянкой?

— Именно. Катя улыбнулась уголками губ.

— Знаете почему? Ей не нужны были костыли жалости или восхищения. Она была жизнерадостной и сильной не потому что её кто-то спасал... Она перевела взгляд на улицу.

— Если говорить о Снежной Королеве... то тут мне ближе разбойница.

— Маленькая разбойница? Игорь выглядел заинтересованным вопреки себе.

— Да. Как только она столкнулась с настоящим выбором — отпустить Герду или оставить себе красивую игрушку, она выбрала свободу для другого. Это редкий дар — уметь отпустить, что тебе дорого. А вы... вы больше похожи на разбойника который хочет запереть всех и вся в своей пещере и считать трофеями.

Гордеева вернула взгляд к собеседнику.

Игорь откинулся на спинку стула и рассмеялся, коротко и сухо.

— Интересный разбор... А я думал, мы будем обсуждать серию.

— Подборку? Катя открыла папку с документами как козырь перед уличным шулером.

— Вы предлагаете: «Сказку о царе Салтане», «Конька-Горбунка»... Красивые декорации. Но за ними должна быть суть.

В «Коньке-Горбунке» герой побеждает не благодаря связям или деньгам... Он побеждает благодаря верности и честности.

А в понятных вам историях герои обычно побеждают вовремя сменив машину или подкупив судью.

Не думаю что смогу стать лицом подобного проекта.

— Вы всегда видите во всём второй смысл? Мужчина прищурился.

— А вы всегда думаете, как купить? Сколько стоит что-то или кто-то. Парировала Екатерина, утверждая.

— Я не Марья-искусница, Игорь Олегович, чтобы сидеть у оконца и ждать, пока за мной прискачут на коне. Я предпочитаю произведения, где героиня сама строит свою жизнь, даже если мир против... «Снежная королева» — прекрасная, но европейская сказка... У нас в России другие героини. Она сделала глоток кофе, не сводя с него взгляда.

— «Царевна-лягушка»: истинная ценность скрыта внутри под самой неприглядной оболочкой... «Василиса Премудрая»: о мудрости и силе духа... «Конёк-Горбунок»: о том, что даже с недостатками можно достичь невозможного... Либо «Повесть о Петре и Февронии Муромских» о силе истинной любви.

Игорь молчал несколько секунд, потом тихо произнёс:

— Вы удивительная женщина Екатерина... Похоже, дарить стимул к жизни это ваш талант сила, притягивающая к вам...

Катя чуть улыбнулась — холодно и отстранённо:

— Будьте осторожнее за рулём Игорь... Дорога может вновь оказаться скользкой... Она развернула коляску и скрылась во мгле. Волков остался провожать её силуэт взглядом, в котором смешались уважение, досада и осознание проигрыша в словесной дуэли мастеру сарказма.

Игорь кивнул, обращаясь скорее к себе, чем к кому-либо:

— Договорились. Ведьма! Тихо прошипел он глядя в одну точку.

Глава 2. ЭХО НА ШИПАХ

Екатерина ненавидит больницы. И дело не в стенах или белых халатах, а в запахе. С самого детства посещение поликлиник ставило перед девочкой неразрешимую дилемму: что ей не нравится больше — пренебрежение или отношение к ней, как к младенцу, вне зависимости от возраста?

Врачи, словно не замечая её, обращались к матери Кати, пропуская её саму. Во время приёма чаще всего звучало:

«Может, мама расскажет, что с вами произошло? Ну, мамаша, рассказывайте».

Настоящим шоком и унижением для маленькой девочки были обвинения в недостаточности усилий, стараний и даже в недостатке веры. Такое пренебрежительное отношение втоптывало её в землю, усиливая чувство изоляции и одиночества. Катя всегда яростно отстаивала своё право быть полноценным членом общества. Поэтому она посещает медицинские учреждения лишь раз в год, а чаще — только в случаях абсолютной, неотложной необходимости.

Сейчас, как никогда, модно копаться в себе, выискивая психологические травмы, фобии и расстройства. Найти, увериться и потом, не сдаваться.

Екатерина Гордеева с охотой открыла бы собственный «ядерный чемоданчик» внутреннего сгорания, чтобы испепелить всё лишнее. Но она не может подобрать точное на-

звание тому, что терзает её мятежную душу чаще всего. Это не боязнь одиночества — нет, она любит уединение, в нём даже проще и легче. Правда, душе её милее контролируемое одиночество, когда точно знаешь: люди рядом есть. Это и не страх быть обузой — с возрастом он отступает, преследует всё реже и не так страшен, как «Чёрный человек» из стихов Есенина.

У брюнетки есть панический страх, но, как ни парадоксально, он не имеет чёткого имени. Это что-то среднее между нозокомефобией и томофобией. Страх иррационален, но конкретен: не операционный стол, а больничные каталки. Шум колёс, вид приближающейся тележки — и накатывает ужас: головокружение, тошнота, бешеное сердцебиение.

Анестезиологи, наблюдая её реакцию, прозвали Катю «зайчиком».

Боязнь больниц (нозокомефобия) — слишком широкое понятие. Екатерине не нравится запах, цвет стен. Обстановка давит, навевая тоску, которая, казалось бы, неотделима от таких мест. Но даже здесь она умудряется найти пользу. В МРТ-барокамере, где ей предстоит провести ближайшие 40 минут в плену у аппарата, она погружается в воспоминания.

Больницы возвращают её к аварии, разделившей жизни на «до» и «после».

Эхо тех дней — голос тёти, сирены, оглушающая пустота в доме — не заглушить. Но если искать крупинцы добра даже в самом ужасном, тот день подарил Саше и Кате тётю и двою-

родную сестру. Раньше вся семья, в широком смысле слова, собирались лишь по большим, юбилейным поводам.

Саша повзрослел в тот момент мгновенно. Глядя на сестру, свернувшуюся в позу эмбриона, его лицо озарила слабая улыбка. Он охранял её покой, верный защитник. Вместе им будет не так больно. Глаза Екатерины ожили при взгляде на брата. Рядом с ним она постепенно оттаивала. Теперь её опора: она сама и старший брат.

Полёт на сцене — лишь иллюзия. У неё нет права на самообман. Во всём виновата она сама, а уже потом — танцы.

Жалкое подобие реальности — поддавки. Морфий или Морфей — неважно. Девушка закрыла глаза и погрузилась в забытье.

Александр закрыл дверь и устроился в кресле рядом. Воспоминания тут же перенесли его в детство, в те дни, когда всё было иначе.

В детстве он также устраивался с ней в одной комнате, соединяя два кресла вместе, по мере взросления добавляя табурет.

Даже если мир не нуждался в его младшей сестре, она была нужна родителям — и сейчас, больше всех на свете, нужна ему. Он обещал, что всегда будет заботиться о ней.

С самого детства они играли и дурачились: пока она звонко смеялась, Саша осваивал разные коляски сестры, учился вставать на дыбы на задних колёсах и падал — почти как с

велосипеда.

Они вместе строили шалаш из подушек и одеял, читали книги Николая Носова с фонариком под одеялом, наряжали ёлку, играли в «Марио» на первых приставках, смотрели «Гарри Поттера» и «Один дома» на каникулах, укрывшись одним пледом на двоих с чашками какао и вазой конфет в руках.

Он не испытывал к ней ни жалости, ни стеснения — она была и остаётся его гордым колокольчиком, грозным ёжиком и милым сердцу котёнком.

Но эти светлые воспоминания резко оборвались самым мерзким событием тех дней — появлением Волковых.

Они были похожи не на волков и даже не на гиен — скорее на шакалов с шлейфом глинистого запаха.

Резкий звонок в дверь заставил брата и сестру впервые за день подать признаки жизни.

Саша открыл дверь. На пороге стояли двое.

Олег Волков, уже тогда грузный, заполнил собой дверной проём. От него исходил тяжёлый запах дорогого парфюма, смешанный с чем-то землистым и гнилистым. Мужчина окинул дом цепким взглядом старого дельца.

За его спиной стоял сын Игорь — одет слишком ярко для подобного визита; в его мутных рыбьих глазах не было ни капли сочувствия — только леденящее любопытство.

— Ну что, сиротки? Голос Волкова-старшего, низкий и без тепла.

— Тяжёлый крест выпал на вашу долю...

Саша молча скрестил руки. Олег Игоревич окинул Катю быстрым, брезгливым взглядом.

— А старший у вас герой... Настоящий мученик! Усмехнулся он.

— С таким грузом... Сестричка-то убогая досталась! Резюмировал мужчина.

Игорь, стоявший за спиной отца, хмыкнул:

— Да уж, братан! Не повезло тебе! Всю жизнь под дудку немощной плясать! Ни погулять, ни отдохнуть!

Катю пробрал озноб – не от страха, а от омерзения.

— Не вам решать, что нам делать! Голос Саши был тихим, но ровным, в глазах горела стойкая уверенность.

Олег Волков примирительно поднял ладонь.

— Да ты не кипятись... Мы же по-человечески! Жизнь штука несправедливая! Кому всё, а кому... ярмо нести!

Игорь подошёл к Кате вплотную, наклонился к самому её уху. От него пахло ментоловыми леденцами.

— А ты чего молчишь? Немая, что ли? Или сказать нечего? Тяжело быть обузой? Он выпрямился, не получив ожидаемого эффекта. Катя медленно подняла на него глаза. В её взгляде не было ни слезинки – только арктический холод.

— Не хочу тратить слова с теми, кто не имеет права даже дышать в нашем доме!

В комнате повисла тишина. Игорь впал в ступор, мигая глазами, как рыба, выброшенная на берег. Олег Игоревич

кашлянул в кулак.

— Ладно-ладно... Мы не ссориться пришли... Он полез во внутренний карман пиджака, достал плотный конверт и положил его на край стола.

— Мы пришли закрыть вопрос! Тётка ваша в курсе! Волков выпрямился, глядя на Сашу с видом человека, улаживающего досадную формальность.

— Следствие закончено! Официальная версия: мокрая дорога, неисправность служебного автомобиля! Водитель мой сознался, что не прошёл техосмотр! Его уже уволили! Дело закрыто!

Гордеев не сдвинулся с места, смотрел на конверт так, будто внутри сибирская язва.

— Уходите!

Волков-старший замер. Тень раздражения мелькнула на его лице, но он тут же натянул маску усталого безразличия.

— Мальчик мой, вы не в таком положении, чтобы...

— Уходите! Сейчас же! Юноша не повысил голос, просто сделал шаг вперёд. Столько решимости было в этом движении, что Игорь инстинктивно отступил назад, за спину отца.

Олег молча развернулся и пошёл к выходу. Игорь бросил на Катю последний взгляд – уже без ухмылки, скорее со странным страхом – и поспешил за отцом.

Хлопнула входная дверь. В доме снова стало тихо.

Спасительная тишина наступила и в бункере МРТ. Раздался писк, знаменующий конец пытки – не только медицин-

ской!

Серое вещество присутствует, извилины на месте, заключение гласит: всё исправно! На выходе, в машине, Катю, по обыкновению, ждёт Саша.

Он убивает время другим воспоминанием.

Главный поворот в судьбе семей Гордеевых-Никулиных произошел через несколько недель после благотворительного фестиваля в Сочи.

Александр сидел в кабинете Алексея Сергеевича Никулина-старшего.

Никулин, глядя на осенний город, отрезал:

— Их байка про мокрую дорогу и уволенного водителя? Полная чушь. Он повернулся к Саше. Взгляд был тяжёл, но в нём проскальзывала искра уважения к юнцу.

— Я мог бы закрыть глаза, ради бизнеса, сделать вид, что верю. Но прикрывать такие грешки отпрыска – мерзко. Никулин подошел к столу, оперевшись на него.

— Волков... Мужчина поморщился, словно это имя оставило на языке привкус тухлого яйца. Он давно не человек. Моральный компас у него сломан. Но вас, тебя и твою сестру – вот кого я уважаю. В вас есть стержень, которого нет у моего сына. И тем более у Игоря.

Пауза. Взгляд в глаза Саши.

— Я могу ударить их там, где не ждут. По бизнесу. Тихо, методично. По репутации.

Саша слушал молча.

— А мы вам зачем? Вопрос вырвался сам, хрипло, но твердо.

Никулин едва заметно усмехнулся. Он ждал.

— Смотри. Я сам не полезу – сразу поймет, откуда ветер дует. Репутация полетит... У нас с ними своя история. Нужен кто-то со стороны. Он наклонился вперед.

— Вы – идеальный вариант. Олег вас не заподозрит. Это война на истощение. Я хочу, чтобы они проиграли.

Саша медленно поднялся. Взгляд его уже не принадлежал подростку, а скорее взрослому человеку.

— А нам что с этого, кроме морального удовлетворения?

Никулин посмотрел прямо в глаза.

— Мало того, что ты разрушишь бизнес убийц твоих родителей? Заставишь их потерять власть, деньги? Может, и за решетку упрячем за финансовые махинации. Может, и срок дадут приличный!

Саша выдержал «холодный» взгляд хозяина кабинета, кивнул и протянул руку через стол.

— Мы с вами.

Уносясь от прошлого в настоящее, Катя вновь убедилась: мир играет теми красками, какими ты себя окружаешь. Она ни за что не станет добрее, но жалость и снисхождение со временем отступают перед уважением и признанием права на полноценную жизнь.

Отняв родителей, судьба подарила им тётю, двоюродную сестру и новый путь. Насколько равноценен обмен..

Как бы такой поворот назывался в сказках? Думала Катя по дороге домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.